

Научная статья / Research Article

УДК 903.05(574.4)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-10)

ОБРАЗ ТЮРСКОГО КАГАНА В ТОРЕВТИКЕ МАЛЫХ ФОРМ (ПО МАТЕРИАЛАМ КУЛЬТОВО-ПОМИНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ЕЛЕКЕ САЗЫ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ)

Зайнолла Самашев

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан;
archaeology_kz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7171-3003>

Резюме. Статья посвящена анализу предварительных результатов при изучении материалов, полученных в ходе раскопок культово-поминального (мемориального) комплекса Елекесазы в Восточном Казахстане. Даётся характеристика зафиксированных каменных сооружений и обнаруженных предметов материальной культуры. Основное внимание уделено образу тюркского кагана, запечатленного на изделиях, относящихся к торевтике (художественному металлу малых форм). Сделан вывод, что Елекесазинский комплекс был сооружен на месте сожжения тела умершего «удельного» кагана, который принадлежал, по-видимому, к младшей ветви «золотой» династии Ашина. Ставка этого правителя могла находиться неподалеку, в северных предгорьях Тарбагатая. Дальнейшие археологические исследования позволят дополнить и уточнить намеченную историко-культурную и социально-политическую реконструкцию.

Ключевые слова: Восточный Казахстан, раннее Средневековье, культово-поминальный комплекс, тюркский каган, торевтика

Благодарности: работа выполнена в рамках проекта МОН РК: АР09260487 «Древнетюркский культурный комплекс Восточного Казахстана: истоки и трансформация».

Для цитирования: Самашев З. Образ тюркского кагана в торевтике малых форм (по материалам культово-поминального комплекса Елекесазы в Восточном Казахстане) // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, №4. С. 163–190. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-10)

THE IMAGE OF THE TURKIC KAGHAN IN SMALL FORMS TOREUTICS (BASED ON MATERIALS OF THE CULT-MEMORIAL YELEKE SAZY COMPLEX IN EASTERN KAZAKHSTAN)

Zainolla Samashev

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan;
archaeology_kz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7171-3003>

Abstract. This article is devoted to the analysis of the preliminary results of the study of materials obtained during the excavations of the cult-memorial (memorial) complex Eleke sazy in Eastern Kazakhstan. The characteristic of the recorded stone constructions and found objects of material culture is given. The basic attention is given to the image of Turkic Kaganate embodied in the products concerning toreutics (art metal of small forms). It is concluded that Yelekesazin complex was built

on the place where a body of the dead “appanage” Khaganate, who apparently belonged to a younger branch of “golden” Ashin dynasty, was burnt. The headquarters of this ruler could be nearby in the northern foothills of Tarbagatai. Further archaeological research will allow supplementing and clarifying the outlined historical, cultural and socio-political reconstruction.

Key words: Eastern Kazakhstan, Early Middle Ages, cult-memorial complex, Turkic Kagan, toreutics

Acknowledgements: this work was carried out under the Ministry of Education and Science of Kazakhstan Project: AP09260487 “The Ancient Turkic Cultural Complex of Eastern Kazakhstan: Origins and Transformation”.

For citation: Samashev S. The Image of the Turkic Kaghan in Small Forms Toreutics (Based on Materials of the Cult-Memorial Yeleke Sazy Complex in Eastern Kazakhstan). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022;34(4):163–190. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-10)

Bведение

Культово-мемориальный комплекс, о котором пойдет речь в статье, расположенный в Тарбагатайском районе Восточно-Казахстанской области (Республика Казахстан), в 95 км к югу-юго-западу от пос. Аксуат, на третьей надпойменной террасе правого берега р. Каргыба, на восточном участке могильного поля Елеке сазы. Его географические координаты: N — 47° 19' 48.21"; E — 082° 08' 10.37". Обнаружение такого памятника на территории Тарбагатая отражает определенные этносоциокультурные процессы в Азии, которые были связаны с выходом на историческую арену тюрок, с их духовно-мировоззренческими и религиозно-философскими ориентирами и многоплановыми контактами в пространстве.

Елекесазинский *корык* мог формироваться еще в хуннуско-сяньбийский период или даже намного раньше (в раннесакское время), а сам *барык* — в северных пределах Он охэли с политическим центром в Суябе (Чуйская долина) в VII–VIII вв. и позже. Он сопоставим с «каганско-княжескими» культово-мемориальными памятниками, обнаруженными в Монголии на Орхоне. Наиболее известные возникли в период существования Второго Тюркского каганата (в честь Кюльтегина в 731 г., Бильге кагана в 734 г. и др.), когда империя находилась в военно-политических этнокультурных отношениях с Танским Китаем, что не исключало факторов взаимопроникновения и взаимных (но не односторонних) культурных заимствований. Наибольшее сходство Елекесазинский комплекс обнаруживает с памятником на горе Шивээт улаан в Центральной Монголии, воздвигнутым предположительно в 693 г. в честь основателя Второй Тюркской империи Елтерис-кагана (Самашев и др., 2016), хотя некоторые исследователи дают ему другое обозначение (Малов, 1959, с. 7).

Стоит отметить, что некоторые элементы конструкции, зафиксированной в Восточном Казахстане, отличаются от сооружений «классических» барыков. У них, например, отсутствуют лабиринты-коридоры. Однако зафиксировано большое количество скульптурных изображений представителей различных социальных групп общества. Имеются также зооморфные и полиморфные статуи с охранительными и иными символическими функциями. Считается, что такие комплексы символизируют структуру государственного устройства, в которой каган занимал важнейшее место. Данная статья является продолжением ранее обозначенной темы (Самашев, Айткали, Толегенов, 2022) с привлечением новых и дополнительных аналитических материалов.

Результаты исследований мемориального комплекса

Общая длина исследуемого археологического комплекса, вытянутого с востока на запад, составляет 90 м, а максимальная ширина — 50,9 м. По своим параметрам он ненамного уступает шивээтулаанскому или хошоцайдамским памятникам, которые близки по структуре и функциональному назначению. К примеру, комплекс Бильге кагана имеет параметры 90×60 м, Кюльтегина — 82,4×48 м, Шивээт улаана — 107×45 м и др.

На дне конструкции зафиксирована овальной формы каменная ограда со следами сильного прокала, заполненная золой и камнями. В пределах ограды и по периметру дна храма обнаружено большое количество предметов, о которых речь пойдет ниже. Следы огня в виде зольных пятен и прокалов отмечались практически на всех открытых участках дна храма.

Памятник очень важен для исследования религиозно-идеологических явлений и технико-технологических решений в тюркской архитектуре. Сравнительно-историческое изучение структуры елекесазинского комплекса позволит определить его место в системе памятников, возникновение которых тесно связано с этнокультурными и этнополитическими событиями в Центральной Азии в период раннего Средневековья (Самашев, Айткали, Толегенов, 2022, с. 22).

Известно, что принцип возведения многокомпонентных комплексов восходит к кочевникам раннесакского времени, когда грандиозные курганы элиты общества состояли из центрального наземного сооружения с погребальной камерой внутри и примыкающего к ней с восточной стороны коридора-дромоса. Существенное различие заключается в том, что сакские погребальные памятники внешне составляли единый монолит пирамидальной (или сферической) формы. Елекесазинский комплекс представляет собой двуединое каменно-земляное сооружение в виде храма (квадратного в плане формы центрального элемента) и примыкавшего к нему с восточной стороны сложносоставного «коридора»-лабиринта (рис. 1.-1). Оба компонента комплекса обнесены земляными (с лессово-щебеночно-грунтовым составом) валами, которые, примыкая друг к другу, создают единый ансамбль, обеспечивая ему структурную целостность (и сакральность). Основным элементом культово-поминального комплекса является грандиозный каменный храм, возведенный на прямоугольной платформе и обнесенный почти квадратной формы грунтовым валом. Сама форма храма напоминает (в нынешнем состоянии) усеченную пирамиду с четырьмя (или более) гранями, но за счет развода выглядела как округлое сооружение. На поверхности конструкции просматривалось воронкообразное углубление и слабые контуры прямоугольного сооружения.

Основная масса строительного материала храма — колотые и речные камни. Причем в панцирном слое существенно преобладают разноцветные окатанные камни, что придает сооружению особый колорит. В процессе послойного снятия «панцирного покрытия» и развода камней на поверхности храма, вдоль верхних краев его восточной и южной стен, были зафиксированы следы однорядных кладок из сланцевых плит. На боковых участках сооружения также просматривались следы горизонтальных системных кладок. Данные элементы служили ориентиром для выявления общей конструкции и архитектурных особенностей храмовой постройки. Исследование храма еще не завершено, поэтому возможны существенные корректизы по архитектурно-строительному облику сооружения.

Рис. 1. Елеke сазы: 1 – культово-поминальный комплекс (храм и лабиринт-коридор) в процессе изучения; 2 – каменная ограда с остатками сожжения, золы и различными вещами; 3 – лабиринт-коридор с многоугольным помещением

Fig. 1. Yeleke sazy: 1 – cult-memorial complex (temple and labyrinth-corridor) in the process of study; 2 – stone fence with remains of burning, ashes and various things; 3 – labyrinth-corridor with polygonal room

Культово-ритуальный комплекс возведен на плотно утрамбованных лессовых (вперемежку с мелкими камнями) площадках, которые имели подпрямоугольные в плане формы и заметно возвышались на огороженной поверхности рельефа. Остатки внешних и внутренних ворот фиксировались на участках вала. В «классических» крупных каганско-княжеских культово-мемориальных комплексах на Орхоне и в Центральной Монголии возле входных ворот устанавливались (под влиянием буддийских учений) фигуры хранителей от злых духов — полиморфных мифологических существ, наподобие волко-драконов и др. В нашем случае таковых нет, что может косвенно указывать на более архаичный архитектурно-планировочный облик елекесазинского комплекса. Сами ворота и момент перехода внутрь через них имели, несомненно, ритуально-семантическое значение.

На центральном участке дна храма выявлена ограда овально-вытянутой формы, возведенная из крупных блоков камней (рис. 1.-2). Внутри каменной ограды прослеживались слои золы светло-серого оттенка и прокаленные пятна грунта вперемежку с камнями и большим количеством металлических предметов. Следы огня в виде темных пятен и светло-коричневых прокаленных полос фиксировались практически на всех открытых в 2021 г. участках дна храма (работы еще продолжаются). Наличие специальной постройки в виде каменной ограды, возведенной на самом дне храма, следы обжига, мощные слои золы вперемежку с речными камнями и нахождение престижных вещей (из золота, серебра и железа) внутри нее, а также некоторые другие косвенные данные явно указывают на то, что там совершали священный обряд сожжения тела «улетевшего» «удельного» кагана из рода ашинидов.

Вторым оригинальным компонентом конструкции комплекса на Елеке сазы, отличающим его от известных памятников подобного рода, является лабиринт, который расположен на самом восточном участке платформы, напротив внешних ворот (рис. 1.-3). Узкий лабиринт, через который паломники проходили в основное святилище (только по одному), являлся неким нововведением в обряде перехода, или это неизвестные нам особенности ритуалистики у раннесредневековых тюрок.

Между лабиринтом и коридором с сужающимся концом находится многоугольное помещение со сквозным проходом. Внутри него фиксировалось несколько блоков — фрагментов упавших стен.

В центре многоугольного помещения находилась прямоугольная площадка из сланцевых плит, на которой предположительно была установлена каменная статуя кагана (рис. 2.-1-3), которая была найдена несколько лет назад, но в перенесенном состоянии. Она выполнена в каноническом стиле для каганских изваяний, происходящих преимущественно из Северной Монголии и других территорий расселения средневековых тюркских народов. Внутри многоугольника фиксировались мелкие остатки кальцинированных костей и древесного угля и золы. В юго-восточном углу прямоугольной каменной площадки был найден глиняный кувшин станковой работы, с ручкой, с горизонтальными рельефными орнаментальными полосками (рис. 2.-4). Кувшин происходил, по-видимому, из какой-то южной оседло-земледельческой периферии *Он ок эли*.

Вероятно, помещение играло ключевую роль при проведении каких-то ритуально-обрядовых действий, связанных с поклонением статуе кагана и очищением огнем.

После совершения предписанных ритуально-обрядовых действий внутри данного помещения паломники двигались дальше к основному храму через резко сужающийся каменный «коридор» из сланцевых плит — последнее звено трехчастного сооружения единого «каганско-княжеского» комплекса на Елеке сазы. Западный конец коридора как бы прорезает грунтовый вал вокруг храма и вплотную подходит к подножью храма. Коридор, как и вышеописанный лабиринт, имеет плиточную заставку. Такое конструктивное решение, как резкое сужение коридора у подножья основного храма, видимо, связано с тем, что в храм паломники должны были входить только по одному. Высота коридора-лабиринта, по-видимому, не превышала уровень человеческого пояса, и не исключено, что над ним был навес на деревянной основе.

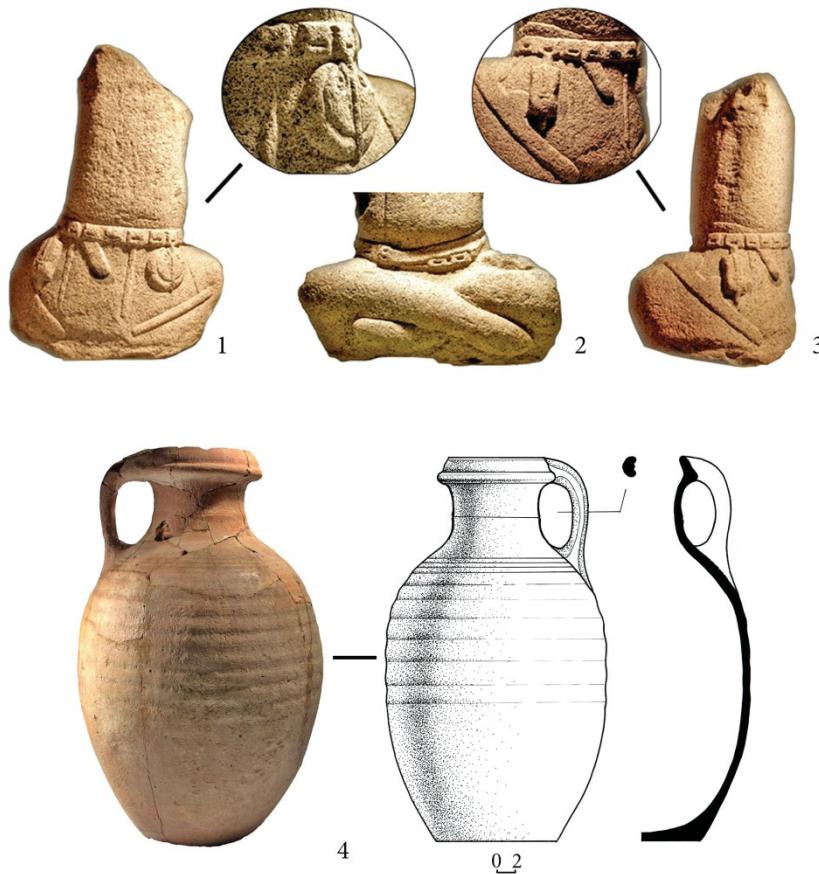

Рис. 2. Елеке сазы: 1–3 – статуя кагана, стоявшая в многоугольном помещении; 4 – глиняный кувшин с ручкой

Fig. 2. Yeleke sazy: 1–3 – statue of Hagan standing in a polygonal room; 4 – clay jug with a handle

На месте кремации тела был построен (видимо, поэтапно) каменный храм с указанными выше пристройками. Некоторые элементы конструкции Елекесазинского ком-

плекса отличаются от классических «барыков» в Северной Монголии, где отсутствуют лабиринты-коридоры и, самое важное, — следы сожжения.

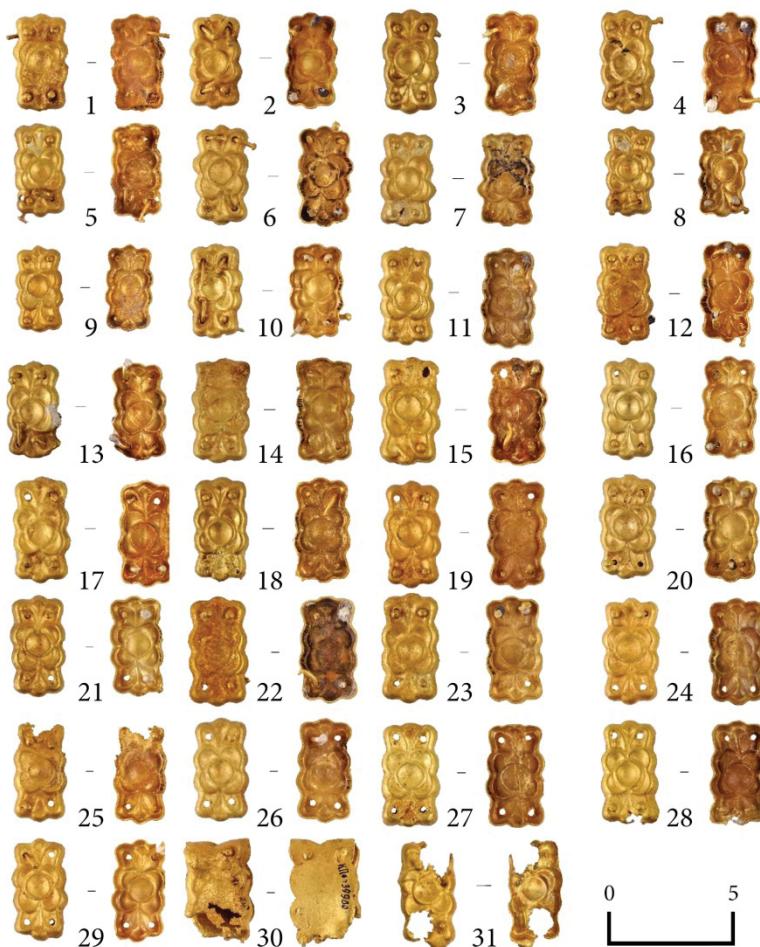

Рис. 3. Накладки от наборного пояса

Fig. 3. Overlays from the dialed waistband

Основная масса вещей найдена внутри каменной ограды (на дне храма) в перемежку с золотой, мельчайшими кальцинированными костями и камнями (Самашев, Айткали, Толегенов, 2022, с. 23–24): фрагментированные и целые предметы из золота, серебра, железа и кости. Среди них выделяются престижные, рядовые и элитные, фрагментированные и другие категории и типы вещей, часть из которых принадлежала, как нам представляется, самому умершему кагану, а часть оставлена участниками акта сожжения тела умершего властителя как свидетельство сопричастности к таинству проводов его бессмертной души в инобытие и как подтверждение готовности служить ему в другом мире (в качестве воина, соратника и т.д.). С подобными представлениями связаны,

видимо, найденные на разных участках дна храма преднамеренно положенные или захороненные наборы вещей — приклады, которые были подвергнуты в разной степени воздействию огня (Самашев, 2021, с. 6–45).

Из числа находок в пределах ограды отметим большое количество поясных накладок с растительными узорами, две золотые и одну серебряную пряжки и другие предметы (рис. 3–5). Накладки однотипные, но по размерам делятся на две группы. Орнаментальная композиция у обеих групп одинаковая: четырехлепестковая розетка с акцентированно большим и глубоким кругом в середине (рис. 3). Все золотые украшения, найденные внутри ограды (на месте сожжения тела кагана), относятся к комплектам наборных поясов. Среди украшений есть маленькие сердцевидные поясные бляхи, оформление лицевых сторон которых вызывает ассоциацию с головой барана (рис. 4). Элементы зооморфизма присутствуют, например, на поясной гарнитуре из погребения Юстыд-XXIV на Алтае (Кубарев, 2005, с. 50). В комплекте вещей особое значение имеют две бляхи от поясной гарнитуры с изображениями жанровой композиции (рис. 5), о которых речь пойдет ниже.

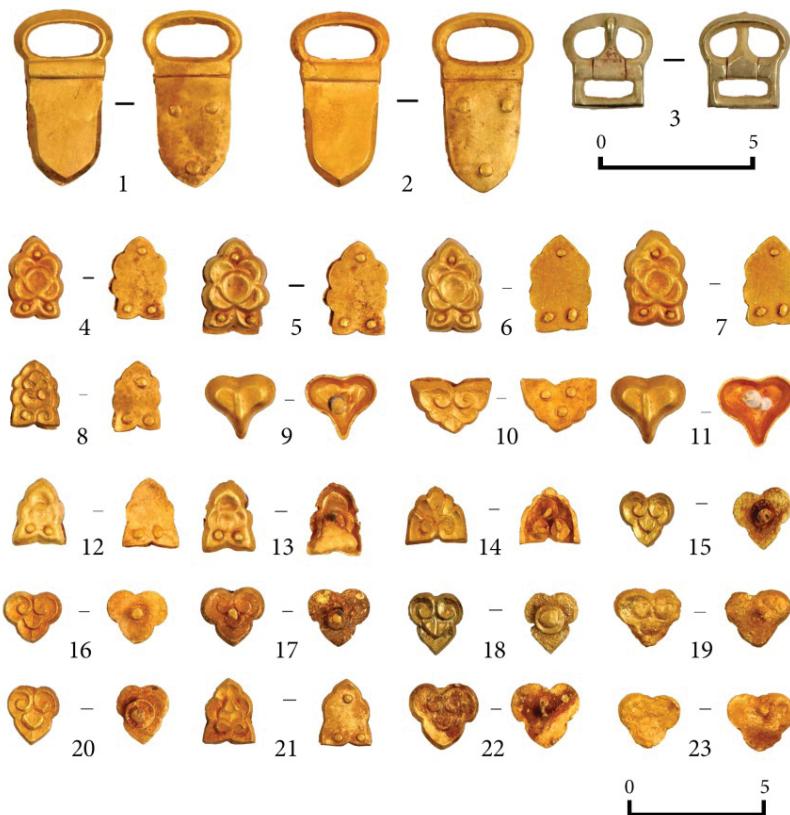

Рис. 4. Пряжки и украшения наборного пояса

Fig. 4. Buckles and decorations on the dialed belt

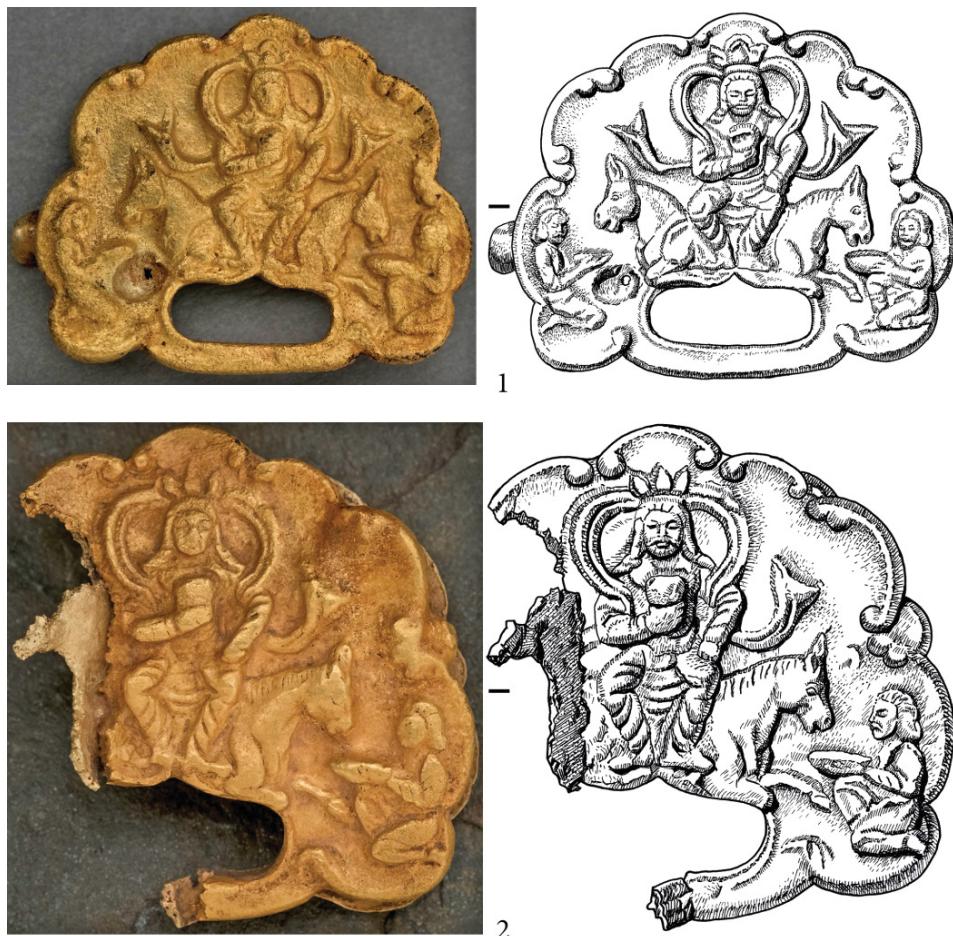

Рис. 5. Золотые бляхи с изображением коронованного кагана на троне

Fig. 5. Gold plaques with the image of the crowned kagan on a throne

Образ кагана на поясных бляхах: комплексный анализ находок

С учетом неординарных изображений на двух накладных бляхах предположительно «великого кагана» (или каганов) из рода Ашина следует определить наборные пояса как высшие знаки отличия и символы власти (Добжанский, 1990, с. 45–80). Рассмотрим эти изображения подробно.

Бляха для подвесного ремня (рис. 5.-1). Состояние золотой бляхи от наборного пояса, которая лежала в огне под крупным окатанным камнем, в целом удовлетворительное. Она состоит из (лицевой) накладки-оправы для подвесного ремня с рельефными изображениями, а также из зажимной пластины с обратной стороны, точно повторяющей ее контуры, и гвоздей, с помощью которых прикрепляли изделие к полосе кожаного ремня. Изделие, кроме золота, включает в свой состав серебро, цинк, магний, свинец и очень мало меди (табл.):

Химический состав металлической бляхи
Chemical composition of the metal plaque

Памятник	Предмет	Элементы	Процент	+/[*4]
Елеке сазы, тюркский культово-поминальный комплекс	Золотая подвесная бляха-1 с изображением кагана на троне	Au	95.6960	1.0098
		Ag	1.9258	0.2221
		Zn	1.0791	0.0628
		Mg	0.5926	0.4739
		Pd	0.4002	0.1225
		Cu	0.2996	0.0812

Стоит отметить, что гвозди кроме золота (85,7%) содержат существенное количество серебра (почти 9%) и цинка (около 4%).

Общие контуры изделия сохранились неплохо. Однако на лицевой части, между изображениями трона и фигуры слуги, слева образовалось повреждение (видимо, за счет сильно направленного огня) в виде расплавленного углубления с небольшим отверстием. Бляха имеет в целом сегментовидное (портальное) очертание, края оформлены девятью лепестковидными выступами-фестонами с едва загнутыми в лицевую сторону тонкими бортиками. Длина изделия 3 см, ширина 3,7 см, толщина 0,3 см. Верхние пять выступов-лепестков образуют некий «облачный» фон, напоминающий спинку трона с волнистыми контурами. Они украшены растительными узорами в виде свисающих листьев и круглых плодов. Два нижних боковых выступа преднамеренно выполнены заметно шире, чтобы поместить на них изображения фигур еще двух персон, сидящих на коленях (очевидно, придворных служащих или слуг). В нижней части бляхи имеется овально вытянутое отверстие-прорезь для подвесного ремня со слабым бортиком и треугольным выступом посередине. Прорезь имеет, как и некоторые другие образцы, в середине верхней части так называемый мысок. Последний элемент как бы завершает снизу вертикальную ось симметрии, идущую от «облака-лепестка» над короной кагана и завершающуюся в точке снизу, где соприкасаются пятки ног сидящего на троне персонажа. На обратной стороне изделия сохранились частично расплавленная огнем пластина для зажима кожаного ремня и золотые гвоздики-шпеньки (Самашев, Айткали, Толегенов, 2022, с. 25).

Архитектоника изделия проработана очень тщательно и строго подчинена основной задаче — изобразить на ограниченной поверхности прокламативный сюжет, наглядно раскрывающий сакральную природу власти в тюркском обществе через лаконичный, но строго реалистичный образ коронованного государя, величаво восседающего на троне в канонизированной позе и в окружении слуг или служащих (возможно, олицетворяющих, в смысле кодификации, «мой народ», или «кара будун»).

Изделие можно рассматривать с искусствоведческих позиций как произведение творчества малых форм с оригинальным антропоморфным декором (Король, 2008; 2021, с. 476–485). На голове кагана изображена сложносоставная корона — атрибут, являющейся сакральным символом легитимности и божественного происхождения неограничен-

ной власти повелителя. В деле сакрализации власти у тюрок (равно как и у многих других народов) короне, как символу, организованному по осям пространства, принадлежит особая роль, поскольку она здимо выражает идею божественной воли, ниспосланной сверху, на повеление ее обладателем над подданными, живущими на «бурой» земле. На лобовой части короны расположен основной вертикальный щит с аркообразно закругленным верхом. Именно этот элемент является носителем основной семантической нагрузки и, возможно, был украшен ступенчатыми (или лепесткообразными) внешними выступами. Изделие подверглось сильному воздействию огня, многие детали расплавились. Поэтому можно предположить, что передний щит мог быть украшен эмблемой в виде объемной фигуры птицы-феникса, как принято было украшать короны Великих каганов из правящей династии Ашины (см. сокровища Бильге кагана или некоторые скульптурные изображения, например, Нири кагана и др.). По бокам расположены два закругленных сверху зубца, заметно наклоненных в наружные стороны. Эти элементы обычно прикреплялись к широкой горизонтальной пластинчатой основе короны, которая во многих случаях богато инкрустирована и дополнена треугольными зубцами или бордюрными обрамлениями. Отличительной особенностью короны, изображенной на голове кагана, является то, что четвертый лепестковидный щит, расположенный на задней части, значительно превосходит по размерам все остальные, что придает данному сакральному атрибуту власти конструктивное своеобразие и особую семантическую значимость. По сторонам короны показаны две ниспадающие ленты, которые создают вокруг головы кагана и до уровня груди симметричную окружную фигуру, а их раздвоенные и заостренные концы, проходя под мышками, направлены вверх. Включение ленточного элемента в качестве важного компонента церемониального облачения при создании иконического образа тюркского кагана придает анализируемому сюжету особенный колорит, но в то же время ясно, что это незаурядный декор, усиливающий орнаментальное поле, и важнейший носитель сакрального смысла, связанного с правом на Верховную власть, даруемым Небом. В этой связи важным представляется зафиксированный в письменных источниках миф о сдавливании горла шелковой тканью во время интронизации претендента на престол (Бичурин, 1950, с. 229). Включение в официальную эмблему государя такого элемента несет не только декоративный характер, а имеет глубокий смысл, порожденный идеей о божественном происхождении самой власти и сложившимися в тюркском обществе способами ее сакрализации. Если обряд символического удушения (лентой!) будущего повелителя и последующее обожествление его образа действительно имело место в тюркском обществе, то он мог быть заимствован из типологически близкого обряда избранничества в шаманстве. Изображение ленты вокруг головы в виде некого ореола придает композиции на бляхе из Елеке сазы на Тарбагатае особую торжественность и в то же время подчеркивает «небесное происхождение» тюркского императора с эпитетом «небоподобный», «неборожденный» и т.д. Однако фигурно оформленная лента, пропущенная под мышками кагана, скорее всего, кодифицирует явления в религиозно-мифологической системе у тюрок (Стеблева, 1972, с. 213–220), которые испытывали на этом этапе своего развития сильное влияние манихейского религиозно-философского учения, поднявшегося в ряде регионов тюркского мира на уровень государственной религии (Кызласов, 1999,

с. 10–41). Манера пропускать специальную цветную ленту под плечевой изгиб рук была характерна, судя по сюжетам настенных росписей Восточного Туркестана, для изображений божеств манихейского Пантеона. Изображение тюркского кагана с такой символикой и в специфической иконографической манере церковной росписи уподобляет его манихейскому Верховному божеству (Самашев, Айткали, Толегенов, 2022, с. 26–28).

Из предметных изображений отметим традиционный кубок для священного напитка в правой руке. Аналогичной формы сосуд известен в составе сокровищ Бильге кагана. Тюркский император показан сидящим на троне, который является одним из главных атрибутов и символов его неограниченной и сакральной власти. С особой тщательностью выполнена вся передняя часть коня — голова, шея, грудь и передние ноги. Головы животных — с острыми ушами, изящными шеями с гривами; они направлены не вперед, как у типичных подлокотников, а в противоположные стороны. Так что эти скульптурные изображения квалифицировать как подлокотники, видимо, не следует. Возможно, основу данного типа трона составляют соединенные по горизонтали скульптуры передних частей животных (лошадь, олень, баран и др.). В таком варианте само сидение покрывается шкурой зверя (возможно, барса или тигра). На бляхе из Елеке сазы изображена разновидность трона тюркского императора без спинки. Такие троны могли быть использованы в походных условиях и при проведении важных государственных мероприятий в ставках. Можно было бы допустить, что ювелир на ограниченной поверхности изделия в целях оптимизации решил совместить изображение спинки трона с общей конфигурацией подвесной бляхи и что из-за трудности показать объемные подлокотники в перспективе он мог развернуть скульптурные головы лошадей в профиль, в противоположные стороны. Однако более вероятным представляется, что такие троны изначально не имели спинок, столь характерных для дворцовых приемов. Следует заметить, что атрибутика власти, в которой важное место принадлежит трону и короне тюркского императора, слабо освещена в научной литературе, поскольку ученыe рассматривали лишь данные письменных источников из-за малочисленности или отсутствия их материализованных остатков или изображений. В тексте сказано: «...по воле тюркского Неба и тюркской священной Родины я стал ханом; когда я стал ханом, то тюркские беги и народ, опечаленные, что они должны были умереть, (теперь), радуясь, смотрели кверху (на трон) спокойными глазами. Когда я сам воссел на трон, то я стал осуществлять столь крепкую власть (над народами), жившими по четырем углам (т.е. по странам света)» (Малов, 1959, с. 20).

Из предметных изображений на этой бляхе отметим блюдца в руках коленопреклоненных слуг в нижней части композиции. Под короной просматриваются плотно заплетенные в косички волосы, которые падают на плечи. Заметно, что лицо кагана изначально было проработано очень тщательно, с подчеркиванием его индивидуальных черт, но в результате воздействия сильного огня на поверхность изделия облик серьезно потускнел. В верхней части изображения можно увидеть слабые следы традиционного треугольного лацкана халата, на поясе также слабо просматриваются следы ремня и складки одежды. Ближе к коленям будто бы просматриваются раздвоенные полы халата. Явных признаков изображений оружия нет.

На бляхе зафиксирована каноническая поза властителя, выработанная для зримого восприятия его образа во время официальных приемов и иных церемоний. Особую выразительность и некоторую суворость динамичной фигуре повелителя придают положение согнутой в локтевом суставе левой руки, которая поконится на бедре, и резко раздвинутые в стороны колени. Складки штанов, выпущенных поверх голенищ сапог, также усиливают восприятие благородного образа «небесного» кагана (Самашев, Айткали, Толегенов, 2022, с. 30).

Вторая бляха с изображением аналогичной жанровой композиции сильно повреждена: одна треть ее левой стороны расплавлена огнем, полностью исчезли скульптурная голова лошади от трона и фигура коленопреклоненного персонажа с блюдцем в руках, а также раздвоенный конец ленты (рис. 5.-2). Однако на ней лучше сохранилось изображение трехрогой короны на голове кагана, которая имеет несколько иные конструктивные решения, нежели у персонажа, запечатленного на первой бляхе. Лучше видны очертания лица, а также брови, глаза (хотя и несколько расплывчато), основание носа и подборок. Четко просматриваются свисающие с головы до плеч волосы и мустами закрученные фрагменты косичек. Фигуры двух слуг, помещенные в нижней части композиции и по сторонам отверстия для ремня, наглядно демонстрируют эпизод придворной церемонии подачи повелителю, сидя на одном колене, на блюдце чего-то важного, но не пищи. Сидя на троне и держа в правой руке ритуальный сосуд со священным напитком, вряд ли каган принимал бы пищу из рук своих придворных служителей. Изображение облика коронованного кагана на троне и коленопреклоненных людей (возможно, олицетворяющих живущих между голубым небом и бурой землей «сынов человеческих»), по-видимому, являлось общеимперским символом.

Видимо, такую эмблему обязаны были иметь при себе высшие титулованные лица государства в той или иной форме (медальон на шее или на груди, перстень, наборный пояс и др.). Наборный пояс с изображениями «великих каганов», возможно, являлся инвестиционным предметом, получаемым младшими каганами при вступлении в должность из рук повелителя *Он ок эли*, ставка которого находилась в Суюбе и на Мынбулаке (Цянь-цюань), в районе Тараза или Мерке после переноса ее каганом Тун Шеху (Тон-ягу), который царствовал в 618–630 гг. (Бичурин, 1950, с. 283–284).

При разделении империи на десять уделов Шаболио Хилаши каган дал каждому шаду-правителю в качестве символа власти по одной (возможно, золотой?) стреле, отсюда китайское название «десять Ше» (Бичурин, 1950, с. 286), т.е. «страна десяти стрел» (Кычанов, 2010, с. 128). Следовательно, можно допустить, что в качестве символа власти уделные правители (ягбу, шад и др.; см. анализ титулатуры: Кюнер, 1961, с. 327–328; Кубатин, 2016; и др.) могли получить из рук императора *Он ок эли* кроме золотой стрелы и золотой пояс с изображениями Великих каганов из рода Ашины (или с собственным изображением?).

Какие исторические личности изображены на золотых бляхах «инвестиционного» пояса из Елеке сазы? Этот вопрос пока остается открытым. Можно предположить, что изображены основатель Великого Тюркского каганата Бумын (Ту-мэнь и-ли кэхань; Тишин, 2019, с. 133) и Мухань каган (552–572), при котором «турки достигли максимального могущества своего объединения, территория которого простиралась

от Каспийского моря на западе и до залива Лядун на востоке», т.е. личности, героические заслуги и божественный образ которых, безусловно, признавались и почитались во всем тюркском мире. Вместе с тем в «КТб. 1» наравне с Бумын-каганом в качестве одного из основателей государства назван Истеми (Дизабул) ябгу — каган (умер в 575 г.), который считался «каганом десяти племен» (Малов, 1951, с. 36; Кляшторный, 2005, с. 93). Его иконографический образ также мог быть запечатлен на инвеститурном предмете-символе.

Стоит отметить, что монетная чеканка некоторых правителей *Он ок эли* (преимущественно в областях Среднеазиатского междуречья) от собственного имени и с изображениями позволяет предполагать возможность изготовления подобного рода изделий в государстве при наличии политической воли. На монете одного из самых ярких правителей *Он ок эли* Тун ябгу, при котором каганат находился в тесном военно-политическом контакте с Византией, Сасанидским Ираном и Кавказом, в частности, участвовал в войне на стороне византийцев (за что император последних Гираклий возложил на голову тюркского повелителя свою корону), имеется легенда, которая интерпретируется Г. Бабаяровым как «Божественный Тун джабгу-каган», а на аверсе показан он сам, что для нас очень важно в контексте анализа иконографии елекесазинских каганских изображений сидящего на зооморфном троне (Бабаяров, 1997; Бобоёров, 2011; Бабаяров, Кубатин, 2014, с. 62–69; Тишин, 2021, с. 140–144). Поза кагана каноническая, идентична предыдущей: персонаж показан уверенно и властно сидящим на троне с лошадиными головами. У скульптурной головы коня на троне хорошо проработаны уши, глаз и короткими глубокими черточками — свисающие гривы. На сиденье трона, по-видимому, накинуты шкуры зверей, конечности которых как бы свисают у ног повелителя. У скульптуры коня показана в профиль передняя нога, которая символизирует ножку-опору трона императора. В правой нижней части композиции помещена фигура человека в профиль (слуга или символ «кара будуна»?), который подает на блюде что-то повелителю, стоя на одном колене. На голове у повелителя показана роскошная прическа, одет он в длиннополый халат со складками. Фигура коленопреклоненного человека, несмотря на то что изображена на переднем плане, в два раза меньше, чем у кагана. Естественно, возникает вопрос: здесь представлены разные исторические персонажи или можно допустить вариативность в трактовке иконографического облика одного и того же кагана, имея в виду различную трактовку конструктивных элементов короны на двух изделиях? На данном этапе исследования допускаем и то и другое. В этой связи уместно вспомнить еще раз случай дарения византийским императором своей короны кагану *Он ок эли* Тун ябгу, который в период своего долгого царствования обладал, естественно, и своей собственной короной, т.е. исторический персонаж может быть запечатлен на таких сакрально-символических предметах по-разному.

Прямые иконографические совпадения пока неизвестны. Из числа наиболее близких аналогий можно отметить одну сюжетную композицию, по определению Б. И. Маршака (2017, с. 517, рис. 33), изображающую «сцену царского пира» на согдийском серебряном блюде, найденном на территории Ямalo-Ненецкого автономного округа РФ (рис. 6). Согдийский торевт, создавший это произведение, либо был слабо знаком с канонами искусства степного мира и допустил эклектического характера ошибки в изо-

бражении короны, трона, традиционного тюркского халата и его элементов и особенно положения ног сидящего кагана, либо по замыслу заказчика блюда хотел показать верховного повелителя, завоевавшего Согд, в привычном для местной аристократии обличии и атрибутах. Не исключается вероятность неумелой подделки. Что касается определения Б. И. Маршаком жанровой композиции как «сцены царского пиршества», то, возможно, оно нуждается в корректировке, поскольку со скипетром в правой руке царь, сидящий на троне, вряд ли в прямом смысле мог в тронном зале пиршествовать. Там символически показаны образ державного властителя, роскошь и изобилие в империи, а также социокультурные явления в обществе. Некоторая близость формы элементов к эфталитским была отмечена еще К. В. Тревер (1960, с. 257). Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель (1965, с. 153, 154) допускали возможность, что изображения царя в крылатом венце могли возникнуть в среде кушаншахов раннесредневекового (эфталитского) времени, но в то же время подчеркивали не эфталитское, а тюрко-согдийское происхождение данного блюда и принадлежность его к кругу изделий, которые были в обиходе, особенно у карлукских правителей.

Рис. 6. Серебряное блюдо с изображением тюркского кагана, сидящего на троне

Fig. 6. Silver platter depicting the Turkic Kagan sitting on his throne

В слоях золы внутри каменной ограды представленного комплекса были обнаружены обрывки кольчуг из железных и медных колечек в большом количестве, а также бронзовые пряжки и накладка на ремень, близкие по типологическим характеристикам отмеченным выше образцам из золота. На дне храма, вокруг указанной выше каменной ограды с остатками сожжения, были зафиксированы приклады, разнообразные по составу. Основной приклад состоял из железных и бронзовых стремян, подпружных пря-

жек, разнотипных наконечников стрел, удил с псалиями, железного клевца, разнотипных ножей, тесла, распределителей ремней, панцирных пластин, колец и других предметов, которые закопаны вместе в небольшой яме на дне храма (Самашев, 2021, с. 6–45).

Несколько железных стремян инкрустировано методом насечки (таушировки) растительными орнаментальными мотивами (завитками и др.), образующими целые изобразительные ряды, подобно «древнекакасским» (Кызласов, Король, 1990), из серебряных пластин (рис. 7). В литературе отмечается несколько видов подобного рода приемов художественной обработки металла, истоки которых теряются в культурах раннего железного века и доживаются практически до нового времени (Кызласов, 1983, с. 120–130). Широкие подножки некоторых из инкрустированных железных стремян имеют фигурные вырезы. В одном случае подножка с внутренней стороны украшена сценой охоты конного лучника на тигра или барса (рис. 7.-4), вызывающей ассоциацию с фигурами из Копенского чаатаса (Евтухова, 1948, рис. 87, 88).

Рис. 7. Железное стремя с инкрустацией подножки серебряными пластинами

Fig. 7. Iron stirrup with inlaid footplate with silver plates

Различные категории предметов, которые происходят из Елеке сазы, позволяют предполагать, что комплекс мог быть возведен в период активной фазы развития *Он ок эли* в социально-экономическом, военно-политическом и культурно-идеологическом отношениях — в пределах середины VII — (середины) VIII в., что было подтверждено радиоуглеродным анализом (рис. 8):

LAB CODE	MONUMENT	^{14}C BP	SAMPLE	CALIBRATING DATE (1 Σ)	CALIBRATING DATE (2 Σ)
FTMC-EL21-1 R	Yeleke Sazy	1247 ± 30	Charcoal	68,3% probability 685 (43,9%) 743 cal AD 788 (24,4%) 825 cal AD	95,4% probability 676 (56,4%) 779 cal AD 785 (39,1%) 878 cal AD

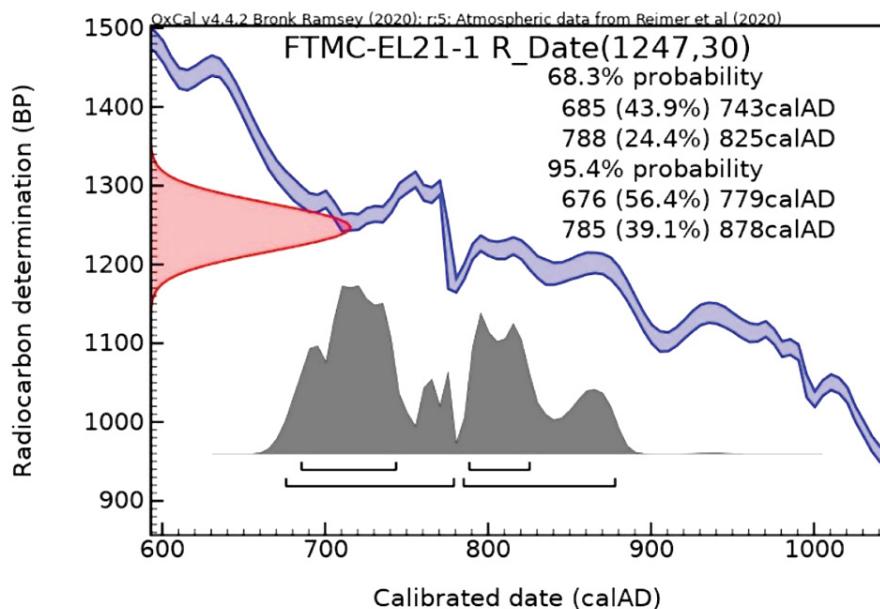

Рис. 8. Радиоуглеродная датировка комплекса из Елеке сазы

Fig. 8. Radiocarbon dating of the Yeleke Sazy complex

Некоторые образцы изделий (удлиненно-пластинчатые стремена с широкими подножками, инкрустированными различными узорами из серебряных пластин; массивные наконечники стрел с отверстиями на лопастях и др.) продолжали существовать и в последующие периоды, даже в иной этнокультурной среде.

В системе мировоззрения и идеологии тюркского общества вопросы сакрализации и обоснования божественного происхождения кагана и легитимизации его права на власть (Торланбаева, 2003; Кляшторный, 2004, с. 100–103; Кычанов, 2010; и др.) занимали исключительно место, что многократно засвидетельствовано в памятниках

письменности. Тюркская социально-политическая и военная титулатура и система придворных церемоний, которые включали много важных элементов, унаследованных от предшествовавших хуннуских, сяньбэйских и жужанских обществ и оттавившихся в условиях постоянного противоборства и конкуренции с Танской империей, отличались чрезвычайной сложностью и многоступенчатостью. Они напрямую отражали идею могущества и незыблемости устоев тюркской империи, а также священности власти кагана и его самого, как сказано в текстах, «богоподобного», «небом поставленного». Создание культа божественного правителя, прокламация его героических подвигов, формирование соответствующих институциональных структур, включая все возможные храмы и др., характерны для многих типов государственных образований древнего мира (Кошеленко, Гаивов, 2010, с. 141–146; Трапавлов, 2004, с. 76–100). Решающее значение в становлении институтов власти у тюрок в ряде исследований придается влиянию согдийцев, сасанидского Ирана и, естественно, Китая (Дробышев, 2018, с. 126–145). В то же время односторонний подход к проблеме формирования властных структур в тюркском обществе может привести к не вполне объективной оценке роли самих создателей степных империй, сводя к минимуму их усилия: всего лишь к адаптированию внешних институтов управления к своей повседневности. Это очень сложная научная проблема — прежде всего социокультурного и политического характера, где определенное место занимают вопросы становления административной иерархии, системы бюрократии, различных придворных церемоний, религиозно-идеологических установок и пр., призванных обеспечить нормальное функционирование социума. В решении этих и других проблем, наряду с письменными источниками, ценными могут оказаться новейшие археологические открытия.

Елекесазинский комплекс возведен на месте сожжения тела умершего «удельного» кагана, который принадлежал, по-видимому, к младшей ветви «золотой» династии Ашина («ашиниды»). Его ставка (возможно, летняя), как правителя одной из «десяти стрел», могла находиться в северных предгорьях Тарбагатая, где-то недалеко от анализируемого комплекса. Умерший «малый» каган, судя по параметрам данного *барыка*, который нисколько не уступает северомонгольским каганско-княжеским комплексам, кроме несомненных прижизненных заслуг, мог находиться в близких отношениях с правящим Домом Орхонских ашинидов, подобно, например, Барс-бегу, которому, как сказано в тексте, даровали не только титул кагана, но и дали в жены сестру самого Кюльтигина (Малов, 1951, с. 38; КТб, 20). Также наблюдаем ранее не зафиксированные в известных «каганских» комплексах признаки «обряда перехода», связанные с процедурой «освящения» (или погребения) остатков пепла на месте кремации трупа (в совокупности с его личными вещами и подношениями) и последующего (поэтапного?) возведения храма над ним. Отсутствие до сих пор археологических свидетельств о сожженных останках представителей высшей элиты тюркского общества в таких комплексах породило в научных кругах мнение о погребении кремированного праха на стороне (Тишин, 2021, с. 42, 49; и др.), т.е. вне территории *барыков*. Дискуссионность вопроса можно отчасти объяснить тем, что ни один из известных «каганско-княжеских» комплексов в Северной Монголии еще не исследован полностью большими площадями. Между тем некоторые культово-мемориальные комплексы указанного региона име-

ют в пределах своих территорий плиточные оградки (которые в ряде случаев покрыты орнаментальными узорами, изображениями мифических фениксов и др.), где гипотетически могли совершать обряды сожжения умерших, затем хоронить пепел (или кремированные костные останки) в специальной яме. Что касается рядовых оград, в особенности с каменными изваяниями и рядами балбалов, то иногда встречаются сведения о фиксации в них сожженных останков. В качестве мало известного факта укажем на разведение костра в могильной яме над засыпанными слоем земли останками человека и сопроводившего его коня у тюрок на Среднем Енисее (Митько, Тетерин, 1998, с. 396–404; Тетерин, 2000). Предание земле тела умершего индивида и погребение пепла после кремации тела, хотя и относятся к единому циклу «обряда перехода», но предполагают проведение отличных друг от друга циклов ритуально-обрядовых мероприятий. В этом и проявляется специфика гносеологической природы такого рода памятника (Михайлов, 2009, с. 95–97).

Подготовка и осуществление самой процедуры сожжения тела предполагает набор специфических мероприятий (выбор места сожжения, ограждение, подготовка топлива, инструментов, например, как отмечено в тексте в честь Могиляна «свечей», «сандалового дерева» и др.). Археологически зафиксированные данные о погребении кремированных остатков умерших каганов или высшей знати в (больших) курганах или оградах в ареале раннетюркских культур пока неизвестны, поэтому сошлемся на хронику из *Таниу*, где упоминается сожжение «по кочевому обычаю» трупа умершего в неволе в 634 г. некогда могущественного кагана восточных тукюев Хиели (Сели), о котором писали: «Стоя на степени выше всех кочевых народов, он с презрением смотрел на Срединное государство, дерзко изъяснялся и на письме, и на словах; производил большие требования», и возведении ему могильного сооружения на левом берегу реки Ба (Бичурин, 1950, с. 247, 256). В другом месте в *Таниу* содержится более подробное описание погребального обряда, связанного с сожжением тела покойного (кагана?), которое вызывает неоднозначные оценки у разных исследователей (Бичурин, 1950, с. 230; Бубенок, 2014, с. 77–79). При очевидной компилятивности данного источника, отмеченной некоторыми исследователями (Савинов, 2005, с. 198), в нем содержатся важные для использования при толковании материалов елекесазинского комплекса сведения: 1) о существовании обряда трупосожжения у тюрок; 2) о сожжении трупа умершего вместе с вещами; 3) о захоронении сожженных останков (пепла); 4) о возведении специального здания «при могиле» (или на месте сожжения трупа?); 5) сведение об установке «нарисованного облика» покойного, т.е. его каменной статуи; 6) о жертвоприношениях и др., не говоря о вербально характеризуемых, но не материализуемых элементах погребально-поминальной обрядности (оплакивание, самоистязание и др.).

Небольшой фрагмент текста памятника в честь Бильге кагана в переводе С. Е. Малова (1959, с. 23) содержит информацию о том, что ему (умершему в 734 г., в год Собаки) в следующем 735 г., т.е. в год Свиньи, его сын (ставший каганом, под именем Ижан) устроил «похороны». Данный текст не содержит прямого указания на кремацию тела умершего кагана, но обратим внимание, что «безмерное количество золота и серебра», принесенные участниками церемонии, или, возможно, другой комплект вещей (положенный при сожжении трупа годом раньше), зафиксированы во время археологиче-

ских раскопок на комплексе Бильге кагана в сильно прокаленном — до красноты грунте (Баяр, 2004, с. 78–81), причем часть из них в расплавленном состоянии, как в нашем случае. Он важен и тем, что описывает два этапа погребально-поминальной обрядности длиною в несколько месяцев и, возможно, больше. Например, Кюльтегину поминки устроили через девять месяцев после смерти, а Могиляну — через семь месяцев (Войтов, 1996, с. 109). В. В. Бартольд (1968, с. 320), ссылаясь на сведения проф. Хирта, указывает, что их похороны произошли через 11 и 12 месяцев соответственно.

Итак, в религиозной системе тюрок, связанной с погребально-поминальной обрядностью, существовали различные ступени реализации «обряда перехода». Фразу «устроили похороны» в различных текстах следует понимать не в прямом смысле, а как организацию многоступенчатых поминально-обрядовых мероприятий через определенный календарный цикл. В то же время есть мнение о мерах по временному сохранению тела умершего вплоть до мумификации (Савинов, 1984, с. 59; Войтов, 1996, с. 109). Эта идея основана не на обряде трупосожжения у высшей знати тюркского общества, а на погребении тела умершего в могильной яме (Войтов, 1996, с. 109). Считается, что отход от обычая кремировать тело умерших у тюрок фиксируется в Синь Тан шу в 30-е гг. VII в., когда император Тайцзун обвинил Хиели в нарушении предписаний предков, что туцюе теперь закапывают и сооружают могилы для умерших (Лю Маоцай, 2002, с. 68). Однако это сообщение может касаться только населения приграничных с Китаем владений кагана Хиели (Сели) или, скорее всего, давно расселенных внутри Срединного государства побежденных тюрок, которые вынуждены были адаптироваться к новым условиям жизни. Поэтому более перспективным можно считать мнение, высказанное в свое время А. Д. Грачом (1968, с. 211) о том, что «...обряд трупосожжения, по-видимому, имел место на Орхоне и позднее — при погребениях тюркских каганов, принцев и наиболее выдающихся деятелей II тюркского каганата».

Кульминацией первого этапа погребально-поминальной обрядности являлись, безусловно, кремация тела и сожжение личных вещей (или их частей) умершего, а затем строительство сооружения (временного или элементов основного комплекса) над этим местом. Естественно, с момента оповещения о смерти и до процедуры сожжения тела умершего проводились различного рода обряды поминовения, включая оплакивание, акты самоистязания, скачки, принесение даров и др. Профессиональные плакальщицы, которые могли быть привлечены для проведения похоронного обряда, судя по материалам живописи пещерных храмов Турфанского оазиса, были на особом счету в обществе. Интересно, что в комплексе в честь Кюльтегина скульптурное изображение плачальщицы входит в общий ансамбль удостоенных такой чести лиц.

Мы отмечали выше, что лабиринт-коридор Елекесазинского комплекса выделяет его от других подобных сооружений и указывает на специфику проводившихся там культово-обрядовых действий. Лабиринт, состоящий из восьми взаимовертикальных ломанных проходов, имеет, по-видимому, некую числовую символику, связанную с образом умершего кагана (и, возможно, с политико-административной структурой государства, например, сегиз огузами, или родоплеменным составом конкретного удела либо с какими-то природными или жизненными циклами). Не исключено, что правая и левая внешние стороны полосок-стен лабиринта и проходов также могут иметь самостоя-

тельные значения или дополнительные семантические нагрузки. Высота стен лабиринта, судя по развалу камней кладки, не превышала уровень пояса человека, а его узкие коридоры были сконструированы так, чтобы дальнейшее движение вперед (к основному храму) паломники могли совершать только в одиночку, друг за другом (по крайней мере, до многоугольного помещения со статуей кагана) и, самое важное, — в коленопреклоненном положении. «Головосклонение» и «коленопреклонение» являлись общеустановленной социально-политической традицией, которая сложилась в ходе длительного исторического развития тюркских государств (Жумаганбетов, 2007, с. 152). Такая норма была закреплена в придворных церемониалах и отражена в различных письменных источниках. Тексты позволяют реконструировать кульминационные моменты обрядовых действий, связанных с культовым почитанием и обожествлением кагана, которые могли происходить в специализированных культовых сооружениях и на других сакрализованных точках пространства.

Вход в лабиринт был устроен с северной стороны, а не прямо со стороны внешних восточных ворот. Это, возможно, связано со спецификой ориентационной системы древних тюрок в горизонтальном линейном пространстве и правилами бинарной оппозиции: левый (север) — правый (юг), верх — низ и др. Паломники должны были соблюдать установленные там порядки: после вхождения на сакральную территорию через восточные внешние ворота подниматься на платформу в соответствии с линейно-солярной системой ориентации тюрок (лицом на восход солнца, идти назад (в реальности — вперед), в сторону заката солнца, где обитают «улетевшие» предки, затем повернуть влево, т.е. на север, «лицом к полуночной стороне — к тому месту, где ночь в зените», после этого резко повернуться лицом на юг, т.е. «лицом к полуденной стороне — к тому месту, где солнце в зените» (Кононов, 1978, с. 73) и подойти к входу в лабиринт, который был заставлен большой плитой. У входа в лабиринт могли находиться привратники, которые пропускали паломников внутрь по одному, предварительно открыв им каменную заставку. Далее ритм движения был продиктован конструкцией лабиринта и, по всей вероятности, паломники двигались вперед только на коленях. Судя по тюркским текстам, состоянию коленопреклонения в придворных церемониях придавали особое значение. Поэтому в данном случае вполне можно допустить, что прохождение определенного участка пути (например, до статуи умершего кагана в многоугольном помещении) паломники могли совершать на коленях. Из лабиринта паломники сразу же попадали в зал со статуей кагана, где совершали соответствующий обряд, очищались священным огнем, который горел там, и двигались дальше к основному храму через сужающийся каменный коридор. Оригинальной формы узкий лабиринт, через который проходят в основное святилище паломники только по одному, является неким нововведением в обряде перехода — или перед нами еще не изученные особенности ритуалистики тюрок. Двигаясь на коленях до многоугольного помещения (закрытого типа), где стояла каменная статуя кагана, паломнику нужно было преодолеть, как отмечено выше, восемь резких, но коротких поворотов внутри лабиринта. После предварительного очищения огнем в многоугольном помещении и всевозможных поклонов, а также различных других действий паломник попадал через резко сужающийся коридор и внутренние ворота в основной храм для совершения в узловой точке про-

странства (место сожжения тела кагана) предписанных ритуалом культово-мистериальных действий. Какие действия происходили внутри храма во время посещения паломников, какие структуры внутри храма еще находились, предстоит еще выяснить.

Заключение

Елекесазинский культово-поминальный комплекс возник на месте сожжения тела одного из «удельных» каганов *Он ок эли*. Это принципиально важное утверждение. Комплекс по структуре и архитектурно-планировочным особенностям относится к категории «каганско-княжеских» (по терминологии В.Е. Войтова) *барыков* раннетюркского времени (VI–VIII вв.), которые были призваны обеспечить посмертную сакрализацию образа небесного кагана, а также укрепить реальную власть и авторитет его преемника и могущества государства. Среди найденных в храме предметов выделяются образцы высочайшего искусства тюркских мастеров, особенно сюжетные композиции с изображениями на ограниченных поверхностях коронованных персон на зооморфном троне в канонизированных позах, в сопровождении коленопреклоненных слуг и других мотивов, с великолепной демонстрацией иконографии образа повелителя, его изысканного костюма и элементов государственной атрибутики, подчеркивающих сакральность его образа. Эти и другие произведения художественной культуры, предметы оружия и быта, найденные в храме Елекесазинского культово-мемориального комплекса, представляют собой новый исторический источник, необходимый для разработки актуальных проблем социально-политического устройства государства, религиозных воззрений, придворных церемоний, разноплановых связей средневековых степных империй в пространстве.

Елекесазинский памятник является пока первым в Казахстане «каганско-княжеского» облика культово-поминальным сооружением, на котором начаты научные исследования. Второй подобный памятник, известный нам, находится на территории северо-восточного Жетысу, в пределах могильника Шалкоде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Бабаяров Г. Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI–VIII вв. н.э.). Ташкент : Изд-во Национальной библиотеки Узбекистана, 1997. 120 с.

Бобоёров Ф. Тун ябгу-каган (рисола). Тошкент : АВУ МАТВИОТ-КОНСАЛТ, 2011. 48 б.

Бабаяров Г., Кубатин А. Очерки по истории нумизматики Западно-Тюркского каганата. Ч. I. Saardbrucken : Lap Lambert, 2014. 190 с.

Бартольд В.В. Новые исследования об Орхонских надписях // Академик В. В. Бартольд. Собрание сочинений. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М. : Наука, 1968. С. 312–328.

Баяр Д. Новые археологические раскопки на памятнике Бильгэ-кагана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. №4 (20). С. 73–84.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 382 с.

Бубенок О. Б. Новации и традиции в погребально-поминальной обрядности древних тюрков Центральной Азии // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 77–89.

- Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М. : Изд-во Гос. музея Востока, 1996. 152 с.
- Грач А. Д. Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии // История, археология и этнография Средней Азии. М. : Наука, 1968. С. 207–213.
- Добжанский В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1990. 164 с.
- Дробышев Ю. И. Тюркский каган и сасанидский шаханшах: к вопросу об идеологических заимствованиях древних тюрков у иранцев // Тюркские кочевники в Азии и Европе: цивилизационные аспекты истории и культуры. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2018. С. 126–145. (Труды Института востоковедения РАН. Вып. 7).
- Евтихова Л. А. Археологические памятники Енисейских кыргызов (хакасов). Абакан : Хакас. науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории, 1948. 110 с.
- Жумаганбетов Т. С. Древнетюркский каганат: становление и развитие государственности. VI–VIII вв. Алматы : ААЭС, 2006. 395 с.
- Кляшторный С. Г. Образ кагана в Орхонских памятниках // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 100–103.
- Кляшторный С. Г. Степные империи: рождение, триумф, гибель // Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с. (Исторические исследования).
- Кононов А. Н. Способы и термины определения стран света у тюркских народов // Тюркологический сборник — 1974. М. : Наука, 1978. С. 72–89.
- Король Г. Г. Искусство средневековых кочевников Евразии: очерки. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008. 332 с. (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. V).
- Король Г. Г. Возможности методических подходов к изучению средневековой торевтики малых форм Саяно-Алтая // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии. СПб. : ИИМК РАН, 2021. С. 475–486. (ТРУДЫ ИИМК РАН. Т. LVII).
- Кошеленко Г. А., Гаивов В. А. Возникновение культа царей на эллинистическом востоке // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 544 с.
- Кубарев Г. В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.
- Кубатин А. В. Система титулов в тюркском каганате: генезис и преемственность. Ташкент : Yangi nashr, 2016. 192 с.
- Кызласов И. Л. К истории художественной обработки металла в Южной Сибири. Насечка по железу // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата : Наука, 1983. С. 120–130.
- Кызласов Л. Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Открытие государственной религии древних хакасов. М. ; Абакан : Б.и., 1999. С. 10–41.

Кызласов Л. Р., Король Г. Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М. : Наука, 1990. 216 с.

Кычанов Е. И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Петербургское лингвистическое общество, 2010. 364 с.

Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М. : Изд-во Восточной литературы, 1961. 392 с.

Лю Маоцай. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках / пер. с нем. В. Н. Добжанский и Л. Н. Ермоленко. М. : Институт востоковедения РАН, 2002. 126 с.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. 92 с.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. 112 с.

Маршак Б. И. История восточной торевтики III–XIII вв. и проблемы культурной преемственности. СПб. : Академия исследования культуры, 2017. 736 с.

Митько О. А., Тетерин Ю. В. О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений на Среднем Енисее // Сибирь в панораме тысячелетий. Т. 1. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. С. 396–409.

Михайлов Д. А. Гносеологическая природа погребального памятника // Древность: историческое знание и специфика источника. Вып. IV. М. : Институт востоковедения РАН, 2009. С. 95–97.

Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. М. : Искусство, 1965. 688 с.

Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1984. 174 с.

Савинов Д. Г. Древнетюркские племена в зеркале археологии // Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с. (Исторические исследования).

Самашев З. Древнетюркский культово-поминальный комплекс в Восточном Казахстане // Есикские чтения. Алматы : Қазақ университеті, 2021. С. 6–45.

Самашев З., Айткали А. К., Толегенов Е. К вопросу о сакрализации образа кагана // Поволжская археология. 2022. №2 (40). С. 21–34.

Самашев З., Цэвэндорж Д., Онгарулы А., Чотбаев А. Древнетюркский культово-мемориальный комплекс Шивээт Улаан. Астана : Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2016. 272 с.

Стеблева И. В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник — 1971. М. : Наука, 1972. С. 213–226.

Тетерин Ю. В. Древнетюркские погребения могильника Маркелов Мыс I // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск : Новосибирский университет, 2000. С. 27–54.

Тишин В. В. Фрагмент китайского источника о тюркской титулатуре (перевод и комментарий) // Восток (Oriens). 2019. №3. С. 130–150.

Тишин В. В. Некоторые вопросы изучения погребальной обрядности кочевников древнетюркского круга: новые решения в свете письменных источников // Altaistics, Turcology, Mongolistics. 2021. №3. С. 22–63.

Торланбаева К. Е. Институт каганской власти (Второй Восточно-Тюркский каганат): автореф. ... канд. ист. наук. Алматы, 2003. 25 с.

Тревер К. В. Новое «сасанидское» блюдце Эрмитажа (из истории культуры народов Средней Азии) // Исследования по истории культуры народов Востока. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. С. 256–270.

Трепавлов В. В. Вождь и жрец в эпическом фольклоре тюрко-монгольских народов: некоторые особенности традиционной организации власти у кочевников // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 76–100.

REFERENCES

- Babayarov G. Ancient Turkic coins of Chach oasis (the 6th–8th centuries AD). Tashkent : Izd-vo Nacional'noj biblioteki Uzbekistana, 1997. 120 p. (In Russ.).
- Boboyorov F. Tun yabgu-kagan (Risola). Toshkent : ABU MATBUOT-KONSALT, 2011. 48 6. (In Uzbek).
- Babayarov G., Kubatin A. Essays on the History of Numismatics of the Western Turkic Kaganate. Part I. Saardbrucken : Lap Lambert, 2014. 190 p. (In Russ.).
- Bartold V. V. New Research on Orkhon Inscriptions. In: Academician V. V. Bartold. Collected Works. Vol. V. Works on History and Philology of Turkic and Mongolian Peoples. Moscow : Nauka, 1968. Pp. 312–328. (In Russ.).
- Bayar D. New Archaeological Excavations at the Bilge-Kagan Monument. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2004;4(20):73–84. (In Russ.).
- Bichurin N. Ya. Collection of Information about the Peoples who Lived in Central Asia in Ancient Times. Vol. I. Moscow ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1950. 382 p. (In Russ.).
- Bubenok O. B. The Innovations and Traditions in the Funeral and Memorial Rites of the Ancient Turks of Central Asia. In: The Worldview of the Population of South Siberia and Central Asia in Historical Retrospective. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2014. Pp. 77–89. (In Russ.).
- Vojtov V. E. Ancient Turkic Pantheon and Model of the Universe in Cult-Memorial Sites of Mongolia of the 6th–8th Centuries. Moscow : Izd-vo Gos. muzeya Vostoka, 1996. 152 p. (In Russ.).
- Grach A. D. Ancient Turkic Burials with Burning in Central Asia. In: History, Archaeology and Ethnography of Central Asia. Moscow : Nauka, 1968. Pp. 207–213. (In Russ.).
- Dobzhansky V. N. Dialed Belts of Asian nomads. Novosibirsk : Izd-vo Novosib. un-ta, 1990. 164 p. (In Russ.).
- Drobyshev Yu. I. The Turkic Kagan and the Sassanid Shahanshah: On the Ideological Borrowings of the Ancient Turks from the Iranians. In: Turkic Nomads in Asia and Europe: Civilizational Aspects of History and Culture. Moscow : In-t vostokovedeniya RAN, 2018. Pp. 126–145. (Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Vol. 7). (In Russ.).

Evtyukhova L. A. Archaeological Sites of the Yenisei Kyrgyz (Khakasses). Abakan : Hakas. nauch.-issled. in-t yazyka, literaturey i istorii, 1948. 110 p. (*In Russ.*).

Zhumaganbetov T. S. The Ancient Turkic Kaganate: the Formation and Development of Statehood. The 6th -8th Centuries. Almaty : AAES, 2006. 395 p. (*In Russ.*).

Klyashtorny S. G. The Image of the Kagan in the Orkhon Sites. In: The Mongolian Empire and the Nomadic World. Ulan-Ude : Izd-vo BNC SO RAN, 2004. Pp. 100–103. (*In Russ.*).

Klyashtorny S. G. The Steppe Empires: Birth, Triumph, and Destruction. In: Klyashtorny S.G., Savinov D.G. Steppe Empires of Ancient Eurasia. St. Petersburg : Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2005. 346 p. (Historical Studies). (*In Russ.*).

Kononov A. N. The First of Them is the “Türkic” or “Türkic”, which is the Name of a Country of the World among the Turkic Peoples. In: Türkological Collection — 1974. Moscow : Nauka, 1978. Pp. 72–89. (*In Russ.*).

Korol G. G. Art of Medieval Nomads of Eurasia. Essays. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 2008. 332 p. (Proceedings of the Siberian Association of Researchers of Primitive Art. V). (*In Russ.*).

Korol G. G. Possibilities of Methodological Approaches to the Study of Medieval Small-form Topography of Sayan-Altai. In: Creator of Culture. Material Culture and Spiritual Space of Man in the Light of Archaeology, History and Ethnography. St. Petersburg : IIMK RAN, 2021. Pp. 475–486. (Proceedings of IIMC RAN. Vol. LVII). (*In Russ.*).

Koshelenko G. A., Gaibov V. A. The Cult of Kings in the Hellenistic East. In: Adaptation of Peoples and Cultures to Environmental, Social and Technogenic Transformations. Moscow : Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2010. 544 p. (*In Russ.*).

Kubarev G. V. The Culture of Ancient Turks of Altai (on materials of funerary sites). Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2005. 400 p. (*In Russ.*).

Kubatin A. V. System of Titles in the Turkic Kaganate: Genesis and Succession. Tashkent : Yangi nashr, 2016. 192 p. (*In Russ.*).

Kyzlasov I. L. To the History of Artistic Metalwork in South Siberia. The Iron Cutting. In: Medieval Urban Culture of Kazakhstan and Central Asia. Alma-Ata : Nauka, 1983. Pp. 120–130. (*In Russ.*).

Kyzlasov L. R. Northern Manichaeism and its Role in the Cultural Development of the Peoples of Siberia and Central Asia. In: Discovery of the State Religion of Ancient Khakasses. Moscow ; Abakan : B. i., 1999. Pp. 10–41. (*In Russ.*).

Kyzlasov L. R., Korol G. G. Decorative Art of Medieval Khakasses as a Historical Source. Moscow : Nauka, 1990. 216 p. (*In Russ.*).

Kychanov E. I. The History of Ancient and Medieval States Bordering China (From the Huns to the Manchus). 2nd ed., revised and supplemented. St. Petersburg : Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo, 2010. 364 p. (*In Russ.*).

Kühner N. V. Chinese News of the Peoples of South Siberia, Central Asia and the Far East. Moscow : Izd-vo Vostochnoj literaturey, 1961. 392 p. (*In Russ.*).

Liu Maotsai. Information about Ancient Turks in Medieval Chinese Sources. Translated from German. V.N. Dobzhansky and L.N. Ermolenko. Moscow : Institut vostokovedeniya RAN, 2002. 126 p. (*In Russ.*).

Malov S. E. Monuments of the Ancient Turkic Script. Texts and Studies. Moscow ; Lenigrad : Izd-vo AN SSSR, 1951. 92 p. (*In Russ.*).

- Malov S. E. Monuments of the Old Turkic Script of Mongolia and Kyrgyzstan. Moscow ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1959. 112 p. (*In Russ.*).
- Marshak B. I. History of Oriental Toreutics in the 3rd — 13th Centuries and the Problems of Cultural Continuity. St. Petersburg : Akademiya issledovaniya kul'tury, 2017. 736 p. (*In Russ.*).
- Mitko O. A., Teterin Yu. V. On Cultural-Differentiating Features of Ancient Turkic Burials in the Middle Yenisei. In: Siberia in the Panorama of the Millennia. Vol. 1. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1998. Pp. 396-409. (*In Russ.*).
- Mikhaylov D. A. Gnoseological Nature of a Funerary Site. In: Antiquity: Historical Knowledge and Source Specificity. Issue IV. Moscow : Institut vostokovedeniya RAN, 2009. Pp. 95-97. (*In Russ.*).
- Pugachenkova G. A., Rempel L. I. History of Arts of Uzbekistan from Ancient Times to the Middle of the 19th century. Moscow : Iskusstvo, 1965. 688 p. (*In Russ.*).
- Savinov D. G. The Peoples of South Siberia in the Old Turkic Epoch. Leningrad : Izd-vo Lenigrad. un-ta, 1984. 174 p. (*In Russ.*).
- Savinov D. G. The Ancient Türkic Tribes in the Mirror of Archaeology. In: Klyashtorny S.G., Savinov D.G. Steppe Empires of Ancient Eurasia. St. Petersburg : Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2005. 346 p. (Historical Studies). (*In Russ.*).
- Samashev Z. Ancient Turkic Cult-memorial Complex in Eastern Kazakhstan. In: Esik readings. Almaty : Қазақ universiteti, 2021. Pp. 6-45. (*In Russ.*).
- Samashev Z., Aitkali A. K., Tolegenov E. To a Question on Sacralization of an Image of the Hagan. *Povolzhskaya arheologiya = Volga Archaeology*. 2022;2(40):21-34. (*In Russ.*).
- Samashev Z., Tsevendorzh D., Ongaruly A., Chotbaev A. Ancient Turkic Cult-Memorial Complex Shiveet Ulaan. Astana : Institut arheologii im. A.H. Margulana, 2016. 272 p. (*In Russ.*).
- Stbleva I. V. The Türkic System of the Ancient Turkic Religious-Mythological System. In: Türkological Collection — 1971. Moscow : Nauka, 1972. Pp. 213-226. (*In Russ.*).
- Teterin Yu. V. Ancient Turkic Burials of Markelov Mys I Cemetery. In: Monuments of Old Turkic culture in Sayan-Altai and Central Asia. Novosibirsk : Novosibirskij universitet, 2000. Pp. 27-54. (*In Russ.*).
- Tishin V. V. Fragment of the Chinese Source on Turkic Titulature (translation and commentary). *Vostok = Oriens*. 2019;3:130-150. (*In Russ.*).
- Tishin V. V. Some Issues of Studying the Funeral Rites of the Nomads of the Ancient Turkic Circle: New Solutions in the Light of Written Sources. *Altaistics, Turcology, Mongolistics*. 2021;3:22-63. (*In Russ.*).
- Torlanbaeva K. E. The Institute of Kagan Power (Second East-Turkic Kaganate): autoref. Candidate of Historical Sciences. Almaty, 2003. 25 p. (*In Russ.*).
- Trevor K. V. The New “Sasanian” Saucer of the Hermitage (from the history of the cultures of the peoples of Central Asia). In: Studies on the History of the Cultures of the Peoples of the East. Moscow ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1960. Pp. 256-270. (*In Russ.*).
- Trepavlov V. V. In the Case of the Mongolian Empire and the Nomadic World. The Chief and the Priest in the Epic Folklore of the Turkic-Mongolian Peoples: Some Features of the Traditional Organization of Power among the Nomads. In: The Mongol Empire and the Nomadic World. Ulan-Ude : Izd-vo BNC SO RAN, 2004. Pp. 76-100. (*In Russ.*).

INFORMATION ABOUT AUTHOR / ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Самашев Зайнолла, доктор исторических наук, член кафедры Казахского Национального университета имени Аль-Фараби, Алматы, Казахстан.

Zainolla Samashev, Doctor of Historical Sciences, Member of the Department of Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

*Статья поступила в редакцию 20.05.2022;
одобрена после рецензирования 15.10.2022;*

принята к публикации 21.11.2022.

The article was submitted 20.05.2022;

approved after reviewing 15.10.2022;

accepted for publication 21.11.2022.